

Сергей Николаев

ПОЛЬСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ ПЕТРА I
(К ПЕРЕСМОТРУ КОНЦЕПЦИИ)

Петровская эпоха обычно представляется цезурой в истории польско-русских литературных связей. Впервые со всей отчетливостью эту мысль сформулировал А. И. Соболевский в начале XX в.: "До Петра переводы с польского - обычное дело, многочисленны; при Петре их уже почти нет: увеличившееся знакомство с латинским и вообще с западноевропейскими языками позволило нам усилить перевод прямо с оригиналов, минуя польское посредство"¹. Категоричность вывода известного ученого (вообще не "заметившего" оригинальной польской литературы) на долгое время определила отношение к польско-русским литературным связям начала XVIII в. Позднейшие уточнения П. Н. Беркова и Рышарда Лужного², по сути, внесли только коррективы: литературные контакты хотя и значительно ослабли (в связи с культурной переориентацией России на страны Западной Европы), но новые переводы все же появлялись, а знание польского языка еще не стало редкостью.

Исследования последних лет и привлечение более обширного материала (прежде всего рукописного), а также пересмотр прежних датировок ряда памятников вынуждают пересмотреть эту концепцию.

Характеристику репертуара переводов начнем с тех имен и па-

---

¹ А. И. С о б о л е в с к и й, Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. Библиографические материалы, Санкт-Петербург 1903, с. 51.

² См: П. Н. Б е р к о в, Русско-польские литературные связи в XVIII в., Москва 1958; R. Ł u ź n y, Literatura polska w Rosji w w. XVII i XVIII, [w:] O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich, Wrocław 1969, s. 36-64.

мятников, которые можно отнести к новациям Петровского времени, поскольку традиция переводов XVII в. в литературе XVIII в. изучена достаточно обстоятельно, в частности, это относится и к новому переводу "Апофегм" Веняша Будного³. Одним из самых любопытных памятников является, на мой взгляд, перевод поэмы Самуэля Твардовского "Дафна, превратившаяся в лавр": в начале 1710-х гг. была осуществлена сценическая переделка поэмы, которая стала хорошо известна в театральных кругах и оказала влияние на формирование поэтического языка русской любовно-авантюрной драмы первой половины XVIII в.⁴ В драматургии примечателен и "Диалог о Гофреде, победившем сарацины", написанный (сколько можно судить по сохранившемуся фрагменту) по мотивам "Освобожденного Иерусалима" Т. Тассо в переводе Петра Кохановского⁵.

Многие переводы с польского, как, впрочем, и подавляющее большинство переводов Петровской эпохи, известны в единичных списках: "Морально-политические наставления" Анджея Максимилиана Фредро⁶, "Беседы Артаксеса и Эвандра" Станислава Хераклиуша Любомирского⁷, обширное историографическое сочинение "Вертоград королевский" Бартоша Папроцкого⁸. Известный типограф и переводчик И. Копиевский сделал компиляцию из книги Шимона Старовольского "Institutorum rei militaris libri VIII" и включил ее в свое издание 1700 г. "Краткое собрание Льва Миротворца"⁹. В описи библиотеки известно-

³ См.: Е. М а і е к, Staroruskie przekłady "Apoftegmatów" Bieniasza Budnego, *Studia filologiczne WSP w Bydgoszczy*, z. 4: *Filologia rosyjska*, Bydgoszcz 1978, s. 7-23.

⁴ См.: Н. С. Т и х о н р а в о в, Русские драматические произведения 1672-1725 гг. СПб., 1874, т. 2, с. 440-484; С. И. Н и к о л а е в, Поэма С. Твардовского "Dafnis w drzewo bobkowe przemieniła się" в русском переводе начала XVIII в., "Вестник Ленинградского университета" 1977, № 8, с. 90-94; Страничка из истории польско-русских литературных связей (Судьба перевода "Дафны" С. Твардовского), "Русская литература" 1977, № 4, с. 117-122.

⁵ См.: С. И. Н и к о л а е в, Библиографические заметки к истории ранней русской драматургии, "ТОДРЛ", т. XLIII, Ленинград 1990, с. 359-364.

⁶ ГПБ, F.III.8.

⁷ См.: С. И. Н и к о л а е в, Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в. - ТОДРЛ, т. XXVII, Ленинград 1983, с. 118-129.

⁸ ГПБ, собр. Погодина, № 1700.

⁹ См.: Описание изданий напечатанных кириллицей: 1689 - январь 1725 г. (Сост. Т. А. Б ы к о в а и М. М. Г у р е в и ч, Москва-Ленинград 1958, с. 283.

го мецената Петровского времени кн. Д. М. Голицына среди рукописей на русском языке упомянута следующая: "Станислава Ореховского увещание наказательное или наставление властелину"¹⁰; рукопись этого перевода крупнейшего польского публициста XVI в. Станислава Ожеховского, к сожалению, не сохранилась.

Появляются любопытные памятники сатиры и юмористики: "Житие Езопа вкратце"¹¹, своеобразный диптих на тему "злых жен" из "Златого ига супружества"¹² и "Науки разных философов о обирании жены, како младым едины присуждают, друзии жениться отсуждают ради разных причин" Бартоша Папроцкого¹³, развлекательная гадательная книжка в стихах "Фортуна или счастье" Яна Гавиньского¹⁴, а также перевод одной из многочисленных сатир саксонской эпохи "Всея Европы монархов карт игране"¹⁵. Возможно, к концу первой четверти XVIII в. относится недавно обнаруженная "Повесть о пане Твердовском" - редкий пример новых переводов польских беллетристических произведений¹⁶.

Кроме словесности и публицистики продолжают переводиться по традиции XVII в. сочинения по земледелию и скотоводству, лечебники, многочисленные календари¹⁷. В 1724-1725 гг. К. Кондратович, впоследствии известный академический переводчик, а тогда еще студент, переводит огромный "Кнапиев дикционер латино-славенский"¹⁸, появляются новые рукописные польско-русские словари, а в Супрасле в 1722 г. выходит первый славяно-польский словарь¹⁹.

¹⁰ См.: Б. А. Градова, Б. М. Клосс, В. И. Корецкий, К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына, [в:] Археографический ежегодник за 1978 год. Москва 1979, с. 244.

¹¹ См.: Р. Б. Тарковский, Старший русский перевод басен Езопа и переписчики его текста, Ленинград 1975, с. 31.

¹² См.: А. М. Панченко, "Златое иго супружества" и его источник. - ТОДРЛ, т. XXXIII, Ленинград 1979, с. 308-337.

¹³ ГИМ, собр. Барсова, № 1531, л. 107-124 об.

¹⁴ БАН, 16.16.3.

¹⁵ БАН, Тек. пост., № 1341, л. 502-503 об.

¹⁶ См.: Ю. К. Бегунов, Сказания о чернокнижнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и вновь найденная "История о пане Твердовском", "Советское славяноведение" 1983, № 1, с. 78-90.

¹⁷ См.: А. И. Соболевский, Из переводной литературы Петровской эпохи. (Библиографические материалы), Сб. ОРЯС, 1908, № 3.

¹⁸ БАН, 17.16.2.

¹⁹ См.: Ю. А. Лабынцев, Первый славяно-польский печатный "Лек-

Несмотря на появление огромного числа переводов с западноевропейских языков, польская литература роль литературы-посредницы утратила не полностью. Из античных авторов с польского языка были дважды переведены "Метаморфозы" Овидия²⁰, в 1704 г. эпитама Ливия Юлия Флора "О начатии и действованиях народу римского" с краковского издания 1646 г.²¹, "Валерия Максима приклады памяти достойные" с польского перевода А. Варгоцкого 1609 г.²², "Церковные летописи" Цезаря Варония²³, затем "Книги о воспитании и наказании всякого начальника" Рейнгарда Лоррихия²⁴, "Монархия турецкая" Поля Рико (перевод 1714 г. с польского не сохранился²⁵, а одновременно выполненный гр. П. А. Толстым перевод с итальянского был издан в 1741 г. как перевод с польского)²⁶.

Сличая этот беглый и не совсем полный перечень переводов, многие из которых совершенно не изучены, с репертуаром переводов XVII в., нетрудно увидеть между ними не столько сходство, сколько различия. От польских переделок западноевропейских романов и сочинений по истории наблюдается переход к собственно польским произведениям, т. е. утрачивая роль литературы-посредницы, польская литература приобретает для русского читателя самодовлеющее значение, что и проявилось в переводах произведений крупнейших польских писателей и мыслителей Возрождения и барокко. Другая сторона этого процесса - значительно более элитарный характер переводной литературы, недаром почти все названные переводы известны в единичных списках преимущественно из библиотек аристократии и культурной элиты (Петра I, кн. Д. М. Голицына, А. П. Волынского и др.).

сикон" (1722) и его переиздания, [в:] Русско-польские связи в области книжного дела, Москва 1980. с. 35-44.

²⁰ См.: С. И. Николаев, Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи, "Русская литература" 1988, № 1, с. 162-164.

²¹ ГПБ, ф. IV. 92.

²² ГПБ, ф. IV. 206.

²³ См.: Описание изданий напечатанных кириллицей, с. 208-211.

²⁴ См.: А. И. Соболевский, Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв., Москва 1970, с. 160-161.

²⁵ См.: С. И. Николаев, Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи, с. 165.

²⁶ Подробные библиографические данные о некоторых названных переводах см. в работе: С. И. Николаев, Задачи библиографического изучения польско-русских литературных связей XVI-XVIII вв., [в:] Литературные связи славянских народов. Исследования. Публикации. Библиография. Ленинград 1988.

Уяснить роль и характер переводов с польского в первой четверти XVIII в. можно, думается, только в общем контексте всей переводной литературы Петровской эпохи. Главная, на мой взгляд, черта - это отсутствие в литературе и культуре какой-либо одной общепринятой ксеномании, что наступит несколько позже. Сам Петр I и его сотрудники как раз и занимались поисками культурных ориентиров в Европе. Эти поиски хорошо иллюстрирует история переодеваний в европейское платье; один за другим выходят царские указы о переодевании: например, в 1700 г. предписано носить венгерское, в 1701 г. - немецкое, в 1704 г. - саксонское и немецкое. Т. е. вместо одной, как бы узаконенной ксеномании, был поиск и почти декларированный плюрализм вкусов: все надо было узнать и опробовать.

В литературной области, разумеется - в связи с первоочередными нуждами, это коснулось истории и теории государства. В краткое время были переведены многочисленные труды по государственному устройству от Никколо Макиавелли до новейших трактатов Джона Локка. Весь путь развития европейской постренессансной мысли, который на рубеже XVII-XVIII вв. привел к "кризису европейского сознания"²⁷, России пришлось усваивать всего за четверть века. Десятки переводов, посвященных "изображению политического властелина", сохранились каждый в одном-двух списках - для окружения Петра большого и не требовалось. Конечно, была учтена и польская общественная мысль, что вполне понятно, так как Польша была, кроме России, единственной славянской страной, сохранившей свою независимость. И этот опыт необходимо было учесть. Труды по истории Стрыйковского, Гваньини, Пясецкого, а также трактат об исправлении государства Фрыча Моджевского были известны в переводах еще в XVII в., а в Петровское время переводятся размышления и наставления С. Х. Любомирского, С. Ожеховского, А. М. Фредро, Б. Папроцкого, Ш. Старовольского, а просмотр описей библиотек показывает, что в оригиналах читаются многочисленные польские сочинения "O porprawie Rzeczypospolitej", вплоть до крайне пессимистической книги "De vanitate consiliorum" С. Х. Любомирско-

---

²⁷ См.: P. N a z a r d, Kryzys świadomości europejskiej. 1680-1715, Warszawa 1974.

го²⁸. Однако ни идеология сарматизма, ни разнообразные теории "исправления республики" не захватили Петра, да и не могли увлечь его при создании абсолютистской монархии. Особенно очевидно это стало для него в ходе Северной войны. Тем не менее в России были почитатели "золотых вольностей" соседней страны. Так, А. П. Во-лынский, большой знаток и любитель переводной литературы Петровской эпохи, как-то раз на вопрос слуги: "Что изволите сидеть печальны?" сказал: "Ой, система, система! Я смотрю все на систему нашу" и хвалил польское житье: "Вот как польские сенаторы живут, ни на что не смотрят и все им даром. Нет! Польскому шляхтичу не смеет ни сам король ничего сделать, а у нас всего бойся"²⁹! Неудивительно, что Петр I в конце концов стал ориентироваться на теорию государства стран Западной Европы.

К середине 1720-х гг. эта ориентация становилась все более очевидной, но до начала 1730-х гг. она все же мало сказалась на репертуаре переводной словесности. По-своему это закономерно. Петровскому времени беллетристика вообще чужда, и сами литераторы неоднократно высказывались по этому поводу. Так, Савва Рагузинский писал в предисловии к одной переведенной им книге, что "не Есоповы фабулы, или магометанские рассказы, или другие какие романцы в ней обрящеша, но самые святополитичные поступки". Федор Поликарпов в предисловии к "Букварю" тоже предупреждал: "Не Есопа фригийского zde смехотворные узрите басни, типографско зримы, но обрящете себе предложен стостепенный в небо восход". Неудивительно, что в потоке печатной продукции первой четверти XVIII в. к беллетристике относят всего три книги, что составляет лишь 0,2 процента всех изданий. Словесностью не занимались, но благодаря этому она стала неуправляемой и бесконтрольной. Переводы с западноевропейских языков художественных произведений редки, но крайне любопытны: это "Повесть о Лукиановом осле" Лукиана³⁰ и новеллистика эпохи Возрождения Л. Гвиччардини³¹, в драматургии

²⁸ См. опись библиотеки кн. Д. М. Голицына: ГБЛ, ф. 64, к. 80, ед. 10, л. 56 об.

²⁹ Записка об Артемии Воынском. - ЧОИДР 1858, кн. 2, отд. 5, с. 160.

³⁰ См.: С. И. Н и к о л а е в, "Повесть о Лукиановом осле" в кругу переводных античных памятников Петровской эпохи (в печати).

³¹ См: О. М. М а с л о в а, Життя і літературна спадщина Лодовіка Гвиччардіні, Київ 1929, с. 85-134.

- переделки Мольера и Ловинштейна³², в поэзии - "Благочестивые желания" Германа Гуго³³; политические романы "Похождения Телемака" Ф. Фенелона и "Аргенида" Д. Баркляя³⁴, знаменитые "Парнасские ведомости" Т. Воккалини³⁵ и другие, но немногочисленные памятники, не более 1-2 с каждого языка, которые так и не были напечатаны, а вновь русские переводчики обратились к ним позже.

Переводы с польского, называвшиеся выше, на этом фоне выглядят уже иначе, более репрезентативно; недаром именно в Петровскую эпоху переводы с польского впервые попадают в печать, а "Апофегмы" Будного издаются неоднократно. Однако после 1725 г. положение стало меняться, появились новые литературные круги (в частности, при Академии Наук), на русском литературном горизонте появляются фигуры Вольтера и других просветителей, формируется поэтика классицизма. Изменившаяся политическая и культурная ситуация в России и Польше оттеснила интерес к польской литературе на второй план, но в духовной среде он сохранился. Именно оттуда в 1730 г. вышли "Притчи нравоучительные о добродетели и фортуне" - перевод "Adverbia moralia" С. Х. Любомирского³⁶. Но этот замечательный памятник был последним произведением польского барокко, вошедшим в русскую литературу. "Притчи", конечно, не были изданы и стали достоянием рукописной литературы. После этого до 1780-1790-х гг. польская литература перестала играть сколь-либо существенную роль в официальной литературе. Яркий всплеск интереса к польской литературе Возрождения и барокко угас, зато получила новую жизнь традиция переводной беллетристики XVII в., но в определенных читательских кругах³⁷.

³² См.: П. О. Морозов, История русского театра (до половины XVIII столетия), Санкт-Петербург 1880, гл. 7, 8.

³³ См.: С. И. Николаев, Литературные занятия Ивана Максимовича. - ТОДРП, т. 40, Ленинград 1985, с. 385-399.

³⁴ См.: С. И. Николаев, Ранний Тредиаковский. (Первый перевод "Аргениды" Д. Баркляя), "Русская литература" 1987, № 2, с. 93-99.

³⁵ ГБЛ, собр. Ундольского, № 885.

³⁶ См.: С. И. Николаев, Элогиум и проповедь (Проблемы изучения перевода "Adverbia moralia" С. Х. Любомирского 1730 г.), [в:] Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII - начало XIX в. Ленинград 1981, с. 205-218.

³⁷ См.: Е. Маляк, Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku, Łódź 1988.

Sergiusz Nikołajew

POLSKO-ROSYJSKIE ZWIĄZKI LITERACKIE DOBY PIOTRA I
(WERYFIKACJA KONCEPCJI)

Autor krytycznie ocenia dotychczas funkcjonującą w pracach rosyjskich i polskich badaczy tezę o zmierzchu polsko-rosyjskich kontaktów literackich w czasach Piotra Wielkiego. Przeprowadzone w latach 70-80-tych badania archiwalne nie pozwalają już dłużej trzymać się kurczowo ustaleń A. I. Sobolewskiego, który utrzymywał, że wraz z początkiem wieku XVIII literatura polska przestaje być dla rosyjskiego czytelnika atrakcyjna. Okazuje się bowiem, iż w dobie Piotra I wyraźnie wzrasta zainteresowanie polskim piśmiennictwem, że tym razem (w odróżnieniu od okresu poprzedniego uznanego za apogeum polskich wpływów w Rosji) czytelnik rosyjski dociera za pośrednictwem tłumaczy do najciekawszych dzieł polskich pisarzy: A. M. Fredry, S. X. Lubomirskiego, B. Paprockiego, Sz. Starowolskiego, J. Gawińskiego i in., że literatura polska interesuje Rosjan nie jako najbliższe i najdostępniejsze źródło tekstów zachodnioeuropejskiej proweniencji, lecz jako odrębny fenomen kulturowy.